



Посвящается Майклу,  
чьи смелость и жизнелюбие  
не перестают меня радовать,  
Ричарду,  
без чьей любви и поддержки  
мне было бы в два раза сложнее.  
А также всем родителям аутичных детей  
в надежде, что они тоже научатся  
находить счастье в непохожести на других.



# I

**В**опросы, одни вопросы. Ответов они не ждут. Громоздят вопрос на вопрос, будто колют тебя вопросами каждую секунду, и ты уже ничего не ощущаешь, кроме этих уколов.

Или приказы. Если не «Лу, что это?», то «скажите, что это, Лу!». Чашка. Все та же чашка из раза в раз. Это чашка, причем уродливая. Скучная чашка. Чашка, начисто лишенная характера, совершенно не интересная чашка. И эта неинтересная чашка мне абсолютно не интересна.

Какой смысл отвечать, раз они все равно не слушают?

Вслух я этого не говорю: научен опытом. За все хорошее в жизни я плачу тем, что говорю то, что требуется, а не то, что действительно думаю.

В этом кабинете четыре раза в год оценивают мое состояние и дают полезные рекомендации, и сегодняшняя психиатр не меньше остальных уверена в своем превосходстве. Уверена так, что смотреть противно, я и не смотрю лишний раз. Но это тоже небезопасно: считается, что я должен сохранять зрительный контакт. Поднимаю глаза.

Доктор Форнам, аккуратная и строгая, вздернув бровь, покачивает головой — не слишком незаметно. Люди, стра-

дающие аутизмом, не способны распознавать подобные сигналы — так написано в учебнике. Я читал учебник и знаю, что именно я не способен распознавать.

В чем я еще не разобрался — это что не способны распознавать *они*. Здоровые люди. Нормальные. Те, что имеют ученые степени и сидят за большими столами в удобных креслах.

Я уже знаю, чего не понимает доктор Форнам. Например, что я умею читать. Она думает, что я гиперлексик и механически повторяю слова. Для меня неясно отличие между тем, как читает сама доктор Форнам, и тем, что она называет «механическим повторением». Она не знает, что у меня большой словарный запас. Каждый раз спрашивает, где я работаю, я говорю, что по-прежнему работаю в фармацевтической компании, а она интересуется, знаю ли я, что значит «фармацевтическая». Думает, что я повторяю механически. Для меня неясно, почему мой большой словарный запас называется «механическим повторением». Доктор Форнам тоже использует длинные слова в разговорах с другими докторами, медсестрами и лаборантами, сыплет ими без конца, хотя можно было бы сказать проще. Она знает, что я работаю за компьютером, знает, что я учился в школе. По идее, эта информация противоречит ее убеждению, что я практически безграмотен и едва умею говорить, но ее это не волнует.

Она разговаривает со мной как с очень глупым ребенком. Не любит, когда я использую «умные слова» — так она выражается, просит «сказать, что думаю».

Я думаю, что скорость тьмы так же интересна для изучения, как скорость света. Думаю, что тьма, возможно, быстрее, и надеюсь, что когда-нибудь ученые это выяснят.

Думаю о силе притяжения. Если существует мир, где она в два раза больше, будет ли в этом мире ветер в два раза сильнее, потому что воздух тяжелее? Сдует ли он со стола не только салфетку, но и стакан? Или при большей силе

притяжения стакан станет тяжелей и даже более сильный ветер его не сдвинет?

Думаю, что мир большой, пугающий, шумный и сумасшедший, однако он красив и постоянен в своей хаотичности.

Цвета для меня живые, а люди представляются цветными карандашами — белыми, коричневыми, черными. У нее по-другому, ну и что?

Еще думаю, что она не знает о моих вкусах и желаниях, а я знаю. И буду хотеть, чего хочется, и думать, о чем думается, не спрашивая ее разрешения.

А ей и неинтересно, о чем я думаю. Ей нужно услышать правильные слова. «Доброе утро, доктор Форнам», «Да, все хорошо, спасибо!», «Ничего-ничего, я подожду».

Я подожду, ничего страшного. Пока она говорит по телефону, можно рассматривать блестящие предметы в кабинете, о которых она не имеет понятия. Иногда я наклоняю голову вперед и назад, чтобы поймать отблеск света на позолоченном корешке на полке книжного шкафа в углу. Если она замечает, что я наклоняю голову вперед и назад, она делает пометку в моем деле. Иногда даже прерывает разговор и просит перестать. Когда качаю головой я, это называется стереотипией, а когда качает головой она — это чтобы расслабить шею. Мне нравится наблюдать, как вспыхивает и потухает на корешке отражающийся свет.

В кабинете доктора Форнам странная смесь запахов: бумага, чернила, книги, клей, на который посажено ковровое покрытие, пластик стульев, но есть что-то еще — кажется, шоколад... Она хранит коробку конфет в ящике? Хотел бы я знать. Если спрошу, она обязательно сделает пометку в деле. Замечать запахи не принято. Пометка о том, что ты заметил нечто, что не принято замечать, это плохо. Хотя в целом замечать — это хорошо.

Мне кажется, люди не во всем одинаковы. Она любит повторять: «все знают это» или «все делают то». Я аутист, но я не слепой: все знают и делают разное. Машины на парковке

разных цветов и размеров. Сегодня тридцать семь процентов машин синие. Грузовики и фургоны составляют девять процентов. Мотоциклов всего восемнадцать, парковочных зон для них три. Получается, ровно по шесть, но десять припаркованы у техобслуживания. Существуют разные каналы, разные телепередачи — этого не было бы, будь все люди одинаковыми.

Она откладывает телефон, смотрит на меня с тем самым выражением. Не знаю, как назвали бы его другие, но для меня это выражение «нормального человека». У нее на лбу написано, что она нормальная и все знает о жизни, а я хуже ее, я будто бы ненастоящий человек, хоть я все прекрасно чувствую, например ребристую поверхность офисного стула. Раньше я подкладывал под себя журнал, но она говорит: не нужно этого делать. Думает, раз она нормальная, то лучше знает, что мне нужно, а что нет.

— Да, доктор Форнам, я слушаю.

Слова льются на меня, едкие, как укус.

— Послушайте и ответьте на вопросы, — говорит она и ждет.

— Хорошо, — говорю я.

— Замечательно, — говорит она, не глядя на меня.

В коридоре слышны приближающиеся шаги. Идут двое, разговаривают. Вскоре их слова перемежаются с ее. «Следующая пятница...» «Собираюсь к Дебби...» «Неужели? Зря...» «А я их предупреждал!» «Не может быть!» «Вот так птичка!» Доктор Форнам ждет от меня ответа. Вопрос, кажется, был не про птиц.

— Извините, — говорю я.

Она советует быть повнимательней, делает еще одну пометку и спрашивает, с кем я общаюсь.

Ей не нравится, когда я отвечаю, что играю в Сети со своим другом Алексом из Германии и другом Ки из Индонезии.

— В реальной жизни, — сухо поправляет она. — Например, на работе.

Я рассказываю, она опять кивает, затем спрашивает о боулинге, мини-гольфе и местном сообществе аутистов.

От боулинга болит спина и отвратительно шумит в голове. Мини-гольф для детей, а не для взрослых, но мне он не нравился даже в детстве. Мне нравился лазертаг, но, когда я сказал ей об этом на первой встрече, она написала «склонность к агрессии». Потом мне еще долго каждый раз задавали серию вопросов про агрессию, а пометка, я уверен, осталась в деле навсегда. Я напоминаю, что не люблю боулинг и мини-гольф, она советует попробовать еще. Я говорю, что сходил на три фильма, и она спрашивает, о чем они. Я читал отзывы и могу рассказать сюжет. Смотреть фильмы я тоже не очень люблю, особенно в кинотеатрах, но я должен что-то рассказать... она пока не догадалась, что я просто пересказываю сюжет по отзывам.

Внутренне сжимаюсь перед следующим вопросом — он всегда меня злит. Моя сексуальная жизнь ее не касается! Будь у меня девушка или парень, ей я рассказал бы последней. Она и не думает, что есть, она просто хочет подтвердить, что нету, — от этого еще хуже.

Наконец-то! Она прощается до следующего раза, я говорю:

— Спасибо, доктор Форнам!

— Вот и хорошо! — хвалит она, будто я дрессированный пес.

На улице жарко и сухо, машины на парковке блестят на солнце, приходится прищуриться. Пока глаза не привыкли к яркому свету, люди, идущие навстречу, кажутся темными пятнами.

Я иду слишком быстро. Это понятно по тому, как сильно шлепают по асфальту ботинки, и еще по искаженным лицам встречных прохожих — мне кажется, они пугаются. Почему? Я иду мимо, не собираюсь в них врезаться. Надо замедлиться и включить музыку в голове.

Доктор Форнам говорит, что мне нужно научиться любить музыку, которая нравится другим. Я умею. Многие любят



Баха и Шуберта, и не все они страдают аутизмом. В мире не существует столько аутистов, чтобы составить аудиторию для многочисленных опер и симфонических концертов. Однако для нее «другие» — значит «большинство». Я включаю «Форелевый квинтет», и, по мере того как музыка заполняет меня, дыхание выравнивается, шаги замедляются в такт дыханию.

Теперь под правильную музыку ключ входит в замочную скважину легко. Сиденье теплое, и это приятно, мягкая шерсть успокаивает. Раньше я покрывал сиденье обычным флисом, но с одной из первых зарплат купил настоящую овечью шкуру. Перед тем как завести мотор, слегка подпрыгиваю в такт. Когда заводишь мотор, иногда трудно не прервать музыку в голове. Я стараюсь завести его в нужный момент.

По дороге на работу доверяюсь музыке, она легко пронесит меня сквозь перекрестки, светофоры и небольшие пробки прямо к въезду на территорию нашей компании — это называется кампус. Наш корпус справа; показав пропуск охраннику, паркуюсь на обычном месте. Люди из других корпусов часто жалуются, что вечно кто-то занимает любимое место, но у нас такого не бывает. Никто не займет мое место, и я не займу чужое. Дейл встает справа от меня, Линда — слева, Кэмерон — напротив.

Пока иду к зданию, в голове играет последний кусочек произведения — он мне больше всех нравится, — когда захожу в двери, музыка постепенно стихает. Дейл стоит у кофемашины. Он не здоровается, я тоже. Доктор Форнам хотела бы, чтобы я поздоровался, но я не вижу смысла. Дейл явно погружен в свои мысли, его не надо сейчас беспокоить. Я все еще злюсь на доктора Форнам, как обычно, раз в квартал, поэтому прохожу мимо рабочего кабинета в спортивный зал. Надо попрыгать. Это всегда помогает. В зале никого нет, поэтому я вешаю на дверь табличку и включаю подходящую для батута музыку погромче.

Когда я прыгаю, никто не заходит; мощный толчок и последующее зависание в воздухе делает меня пустым и легким.

Постепенно мысли отпускают, я расслабляюсь, но прыгаю точно в такт музыке. Потом возвращается собранность, я уже с интересом думаю о текущей работе, тогда снижаю амплитуду до маленьких прыжочков и соскакиваю с батута.

Никто не заговаривает со мной, когда я иду к столу. Думаю, Линда уже на месте и Бейли тоже, но это неважно. Мы, вероятно, поужинаем вместе, но это потом. Сейчас я буду работать.

Символы, с которыми я работаю, большинству людей кажутся бессмысленными и непонятными. Трудно объяснить, в чем заключается моя задача, но это полезный труд, судя по тому, что я могу позволить себе машину, квартиру, спортивный зал и ежеквартальные визиты к доктору Форнам. По сути, я ищу закономерности. Некоторые закономерности имеют умные названия, и другим людям трудно их найти, но мне это всегда легко давалось. Нужно было лишь научиться описывать их другим, доносить свою мысль.

Надеваю наушники и выбираю музыку. Для текущего проекта Шуберт слишком плавный. Вот Бах подойдет — его сложный музыкальный рисунок похож на то, что я ищу. Сосредотачиваюсь на работе — кажется, у меня в голове есть специальный отсек, который находит закономерности, а я просто наблюдаю: они складываются сами собой, как на гладкой поверхности воды образуются кристаллы льда, символы соединяются в линии, ветвятся, пересекаются... Остается лишь следить, чтобы узор был симметричным или асимметричным — в зависимости от задания. На этот раз рисунок более зациклен, чем обычно, и я представляю его как группы фрактальных наростов, образующие колючий шар.

Когда очертания начинают расплываться, я встряхиваю головой и откидываюсь на стуле. Прошло пять часов, а я и не заметил. Возбуждение, вызванное визитом к доктору Форнам, прошло, улеглось. Иногда после нее целый день не могу работать, однако на этот раз я восстановил равновесие с помощью прыжков на батуте. Над моим рабочим компьюте-

ром вертушка лениво крутится от сквозняка из вентиляции. Дую на вертушку, и через секунду (а если быть точным — через секунду и три десятых доли) она начинает вращаться быстрее, и ее сиренево-серебристые лопасти блестят, отражая свет. Я включаю настольный вентилятор, чтобы вертушки и металлические спирали одновременно пришли в движение, и комната наполняется мерцанием.

Световое представление только началось, а Бейли кричит с другого конца коридора:

— Кто хочет пиццу?

Я голоден. Живот урчит, и я отчетливо различаю все запахи в офисе: бумага, аппаратура, ковер, металл, пластик, пыль, чистящее средство... мой собственный запах. Выключаю вентилятор, бросаю последний взгляд на вращающуюся и переливающуюся красоту и выхожу в коридор. Достаточно мимолетного взгляда на лица друзей, чтобы понять, кто идет, а кто нет. Нам не нужно ничего обсуждать, мы друг друга знаем.

Мы обычно ходим есть пиццу примерно в это время. Линда, Бейли, Эрик, Дейл, Кэмерон и я. Чай тоже был готов идти, но столики рассчитаны на шестерых. Он понимает. Я тоже понял бы, если Чай и еще пятеро собрались бы раньше меня. Никто не хочет, чтобы нас посадили за другой стол, я уверен — Чай не пойдет и нам не придется тесниться, чтобы вместить седьмого человека. В прошлом году появился новый администратор, который этого не понимал. Все пытался посадить нас всех вместе и менял местами.

— Ну какая вам разница? — удивлялся он.

Мы ждали, когда он отвернется, и пересаживались обратно. У Дейла дергается глаз, Линду это нервирует, и она садится так, чтобы не видеть Дейла. Меня его тик забавляет, и мне нравится за ним наблюдать, поэтому я сажусь слева от Дейла — с этого ракурса он будто все время подмигивает.

В пиццерии нас знают. Посетители иногда подолгу разглядывают из-за нашей манеры двигаться и говорить — или

же молчать, но официанты не закатывают глаза при нашем появлении, что часто случается в других местах. Линда просто тыкает пальцем в меню, а иногда записывает заказ на листочке, они не задают ей уточняющих вопросов.

Сегодня наш любимый столик не убран. Противно смотреть на пять грязных тарелок и блюда из-под пищи; меня мутит от одной мысли о следах соуса и сыра, об остатках корочки — еще и нечетное число!.. Есть свободный стол справа, но он нам не нравится. Он на пути к уборной, и мимо ходит слишком много людей.

Мы ждем по возможности терпеливо, пока «Привет, я Сильвия!» (у нее так написано на бейджике, будто она товар, а не человек) не делает знак одному из официантов убрать наш столик. Она мне нравится, и я помню, что нужно обращаться к ней «Сильвия» без «привет-я», когда не смотрю на бейджик. Привет-я-Сильвия всегда улыбается и старается помочь; по четвергам работает Привет-я-Джин, и мы не приходим сюда в ее смену. Привет-я-Джин нас не любит и при виде нас ворчит себе под нос. Мы иногда посылаем одного человека забрать заказ, в прошлый раз пошел я, и Привет-я-Джин сказала одному из поваров, когда я отходил от стойки:

— Ну хоть без остальных психов подошел!

Она знала, что я услышу. Хотела, чтобы я услышал. Кроме нее, к нам все добры.

Сегодня дежурят Привет-я-Сильвия и Тири — тот убирает грязные тарелки, ножи и вилки, будто ему это вовсе не противно. Тири не носит бейджика, он просто уборщик. Мы знаем, что он Тири, потому что так его называют другие. В первый раз, когда я обратился к нему по имени, он удивился и немного испугался, но теперь он нас знает, хоть и не обращается по именам.

— Сейчас, минутку! — говорит он, мельком взглянув. — Как дела?

— Хорошо! — отвечает Кэмерон.